

**«ПОЛИТИКА ИЛИ КАМПАНИЯ»: СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ ГЛАЗАМИ РАБОЧИХ
(конец 20-х годов XX века)**

*Работа представлена кафедрой исторических наук и политологии
Ростовского государственного экономического университета.*

Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор В. В. Наухацкий

В статье рассмотрены различные модели восприятия промышленными рабочими Юго-Востока России социалистического соревнования на рубеже 20–30-х гг. XX в., проанализировано воздействие рассматриваемых моделей на ход модернизационных процессов в СССР в начальный период социалистической индустриализации.

Ключевые слова: *социалистическое соревнование, промышленные рабочие, новая экономическая политика, производственно-политическая кампания, индустриализация, модернизация.*

S. Danikhno

**“POLICY OR CAMPAIGN”: SOCIALIST COMPETITION IN THE INDUSTRY
OF SOUTHEAST RUSSIA IN THE WORKERS’ VIEW (LATE 1920s)**

Different models of perception of the socialist competition by the industrial workers of Southeast Russia at the turn of the 1930s are examined. The author analyses the influence of the considered models on the modernisation processes in the USSR in the initial period of socialist industrialisation.

Key words: *socialist competition, industrial workers, Southeast Russia, New Economic Policy, industrial political campaign, industrialisation, modernisation.*

Опыт проведения в СССР в середине — второй половине 20-х гг. XX в. ряда массовых производственно-политических кампаний, целью которых являлось повышение эффективности

производства, свидетельствует о том, что всякий раз неудачи этих мероприятий были во многом обусловлены качественным состоянием социальной общности промышленных ра-

бочих. Практически это выражалось в чрезвычайно низком уровне трудовой и производственной дисциплины, значительном распространении разнообразных форм антиобщественного поведения рабочих (пьянства, хищений, умышленного причинения вреда имуществу предприятий). Исследования показывают, что отношение рабочих к мероприятиям этих кампаний было однозначно резко негативным повсеместно в СССР [13, с. 83–95].

Однако реализация стратегии форсированной индустриализации настоятельно требовала немедленного и многократного повышения эффективности труда промышленных рабочих. Эта задача решалась в течение 1929 г. посредством ряда производственно-политических кампаний, в частности, за поднятие трудовой дисциплины, установление единоначалия на предприятиях. И вновь проводимые мероприятия встретили недовольство пролетариата. Анализ материалов встречи работников Донской государственной табачной фабрики г. Ростова (ДГТФ) с администрацией в марте 1929 г. позволяет понять его причины. Среди высказанных нареканий фигурировали и «ущемление» интересов рабочих введением штрафных санкций за опоздания, и увеличение числа «надсмотрщиков», и прочие подобные явления, однозначно расцениваемые работниками как «произвол» администрации.

Однако восприятие рабочими кампании по развертыванию массового социалистического соревнования на фабриках, заводах, на транспорте, в строительстве, инициированной партийным руководством страны весной 1929 г. [5, с. 508–510], было далеко не столь однозначным.

Очевидно, что, несмотря на изменившиеся внешние формы, социалистическое соревнование преследовало цели и использовало средства, уже знакомые рабочим по опыту прежних производственно-политических кампаний. В заключаемых между предприятиями, их подразделениями хозяйственно-политических договорах, в обязательствах, принимаемых на себя «ударными» цехами, бригадами, в индивидуальных обязательствах отдельных рабочих, фактически содержались все те обязанно-

сти, которые были формально предписаны им трудовым законодательством, коллективным договором, правилами внутреннего трудового распорядка. Изменилось лишь отношение трудящихся к проводимым мероприятиям.

Анализ воззрений рабочих на происходящие события позволяет сделать вывод, что мотивы, опосредующие отношение к новой массовой производственно-политической кампании, проводимой советской властью, были весьма неоднозначными. Анализ зафиксированных в документах тех лет «голосов» трудящихся — «живых свидетелей далеких дней горячих строек социализма» [4, л. 4] — позволяет выделить, по крайней мере, четыре основные позиции по отношению к социалистическому соревнованию.

Во-первых, деятельностно-оптимистичная позиция.

Очевидно, что часть трудящихся восприняла мероприятия с энтузиазмом. В советской исторической науке подобное отношение расценивалось как вполне естественное проявление классовой психологии пролетариата и закономерный итог активного воздействия партийного руководства. В постсоветский период оценки причин трудового энтузиазма рабочих дифференцированы от признания данного явления «определенным итогом развития советского рабочего класса» (О. В. Хлевнюк) [14, с. 17], до позиционирования рабочего тех лет в качестве жертвы «искусственно созданной атмосферы социально-психологического подъема», в условиях которого рабочие трудились с чудовищным перенапряжением физических и моральных сил [3, с. 83].

Анализируя исторические документы, отражающие период развертывания соцсоревнования, пожалуй, наиболее сложно нарисовать коллективный портрет именно активного его участника. Данный феномен невозможно понять, рассматривая лишь институциональные формы и тем более лозунги данной кампании. Комплексная оценка реалий 1929 г., социально-психологических типов, сформировавшихся в рабочей среде в период нэпа, позволяет выделить целый спектр мотивов, побуждавших рабочих принимать на себя повышенные обя-

зательства и «лихорадочно», «аврально» претворять их в жизнь.

Документы тех лет свидетельствуют, что для ряда рабочих-активистов основной целью являлось собственно повышение эффективности производства, а достигнутые успехи выступали мощным катализатором трудовой активности [11, л. 6–6 об., 10, 8–8 об.]. Нередко простое увеличение личного темпа труда в ходе социалистического соревнования сопровождалось попытками реорганизации производственного процесса, внесением рационализаторских предложений. Так, на ДГТФ были созданы состоящие из комсомольцев бригады, перешедшие на обслуживание трех станков. Начинание было вскоре подхвачено группой старых работниц, отметивших его несомненную пользу для производства. На заводе «Красный штамповщик» в Ростове рабочие постановили освободить квалифицированных рабочих от доставки к рабочим местам сырья и материалов, закрепив эту функцию всецело за чернорабочими. На рабочих собраниях, производственных совещаниях звучали знакомые призывы к снижению непроизводственных расходов, уплотнению графика, экономии средств. «А что такое соцсоревнование? Соцсоревнование это правильное и точное заполнение рабочего дня», – высказывались делегаты слета ударных бригад [12, л. 34].

Для ряда представителей социального типа рабочего-активиста, преимущественно молодых рабочих, комсомольцев, мотивы активности выходили далеко за рамки производственной сферы. Для них, «опоздавших» в силу юного возраста к героическим событиям революционного времени, трудовой активизм являлся возможностью проявить себя, сделать карьеру. Молодой рабочий заверил участников широкой рабочей конференции, проходившей весной 1929 г., что «на фронте нашего хозяйственного строительства» молодежь проявит такой же героизм, с которым некогда защищали задачи Октября [1, л. 17].

Важнейшие побудительные мотивы трудовой активности, по нашему мнению, кроются в наличии комплекса острейших противоречий, характеризовавших в тот исторический

период отношения власти-подчинения. С одной стороны, трудовая активность позволяла наглядно продемонстрировать лояльность в отношении партийно-государственного аппарата. Рабочий механического цеха ДГТФ заявлял на производственной конференции, что социалистическое соревнование отражает единство интересов партии, советской власти и широких рабочих масс [6, л. 6 об.]. С другой стороны – это возможность в очередной раз натравить власть на «злейшего врага» рабочего класса – административно-технический персонал предприятий. В речах активистов соцсоревнования повсеместно звучали призывы к снижению, разумеется, в целях экономии, заработной платы «спецам» и «хозяйственникам».

Другим, более прозаическим, однако не менее веским, стимулом к проявлению рабочими «чудес трудового героизма», был производственный кризис, на фоне которого разворачивалось социалистическое соревнование в конце 1920-х гг. В разгар кампании предприятия вынуждены были сокращать часть рабочей силы, отправлять рабочих в длительные отпуска. На ростовском заводе «Красный штамповщик» были сокращены 20 рабочих лопатного цеха – половина всего персонала подразделения. «Несмотря на это, – отмечали активисты завода, – рабочие проводят лихорадочную работу по снижению себестоимости» [1, л. 37].

Представляется вполне возможным, что в основе мотивации «ударного» труда для ряда рабочих лежало вполне понятное стремление не оказаться в рядах сокращенных, сохранить рабочее место, гарантировавшее в условиях продовольственного кризиса преимущественное обеспечение существования рабочего и его семьи.

И наконец, для ряда активных участников соревнования новая кампания являлась очередной легализованной властью возможностью подзаработать. Материальное стимулирование как универсальный побудительный мотив к производительному труду широко использовался на предприятиях Юго-Востока на начальном этапе кампании. Например, известно, что на Кубани был создан окружной премиальный

фонд в размере около 30 000 руб. для поощрения участников соцсоревнования [10, л. 9].

Результаты такого начинания также были достаточно предсказуемы. В справке о ходе работы по развертыванию соцсоревнования в Кубанском округе за 1929 г. приводились факты, вызывающие тревогу его инициаторов. Некоторые рабочие, понимая соревнование как «работу за приз», стремились увеличить выработку, работая до полного изнеможения и попадая в результате на больничную койку. Рассуждая о причинах ухудшения качества обуви на фабрике им. А. И. Микояна, ее директор обвинял в этом соцсоревнование, в ходе которого рабочие «стараятся лишь бы больше сделать, не думая о качестве». Подобное явление было, по-видимому, столь распространено, что появился даже специальный термин «лжеударничество» [10, л. 6].

Во-вторых, деятельностно-критическая позиция.

Достаточно типичным в рабочей среде было отношение к соревновательному почину как к мероприятию необходимому, однако в силу ряда обстоятельств обреченному на неудачу.

Подобное отношение было характерным для незначительного слоя квалифицированных рабочих, имеющих длительный стаж работы, политически активных, равнодушных к судьбе собственного предприятия. Соцсоревнование было воспринято ими как необходимое явление производственной и политической жизни страны и региона, как возможность оптимизации производства истинно демократическими средствами, как сделанная советской властью ставка на рабочего — хозяина фабрик и заводов. Сторонники данной позиции подмечали и постоянно акцентировали все те недостатки, которые возникали в ходе данной кампании.

Чрезвычайно наглядно данная позиция отражена в выступлениях участников слета ударных бригад (ноябрь 1929 г.). Прежде всего, недовольство вызывали повсеместные неразбериха, беспомощность, многократно усиливающиеся по мере развертывания кампании. «Создавая ударные бригады, нам надо создавать условия для работы. Сейчас ударные бригады

дерутся за вагонетки, лопаты, носилки», — заявляли партийному руководству рудников Шахтинского округа ударники-шахтеры [10, л. 11]. Постоянным предметом жалоб являлась нехватка спецодежды, отсутствие рабочих столовых, квалифицированной и своевременной медицинской помощи. Не только производственные, но и бытовые условия повседневного существования рабочих, прежде всего повсеместное повышение цен и нехватка продуктов и товаров первой необходимости, провоцировали критику. Весьма красноречиво на этот счет высказался в анонимной записке на имя А. И. Рыкова участник широкой рабочей конференции: «Соревнование без хлеба плохо проходит. Надо увеличить паек и соревнование лучше пойдет» [1, л. 59].

Представление о том, что соцсоревнование является очередной кампанией, в рабочей массе провоцировало также отсутствие ожидаемого трудящимися интереса к его ходу и результатам со стороны партийного, хозяйственного, профсоюзного руководства либо его формальный характер. Рабочие нередко высказывали недоумение по поводу того, что реальные показатели хода соревнования фактически не проверяются профсоюзами, завкоммами и иными, активно декларирующими и пропагандирующими его органами. Рабочие ростовского стеклозавода задавались резонным вопросом о том, каким способом ВЦСПС узнает о реальных (а не «бумажных») итогах соревнования [1, л. 80, 82].

Подобные факты в совокупности порождали в рабочей среде атмосферу разочарования и апатии. В результате партийные руководители были вынуждены с горечью признать: «Соцсоревнование было встречено большим энтузиазмом рабочих, а затем этот энтузиазм упал» [8, л. 1].

В-третьих, однозначно критическая позиция.

Для основной массы рабочих неудачи кампании, накапливающаяся физическая и психическая усталость, разочарование, вызванное отсутствием позитивных результатов, изначальное недоверие к мероприятиям являлись основными факторами формирования неприязненного, резко критического отношения к

соцсоревнованию. Следует согласиться с неизвестным информатором, подмечавшим, что причины недовольства рабочих проводимыми мероприятиями в большинстве своем имели «шкурный» характер. Действительно, основной мотив недовольства — разочарование тем, что интенсификация труда не сопровождалась ожидаемым улучшением качества жизни. В ответ на игнорирование требований о повышении заработной платы участники соцсоревнования угрожали уходом с предприятий, портили станки, материалы. Повсеместное недовольство рабочих вызывало повышение норм выработки (например, по краснодарскому «Краснолиту» — на 33,5% только за один месяц 1929 г.). На призывы партактива к увеличению соревновательной активности рабочие заявляли: «Раньше подними зарплату, а потом будем поднимать производительность труда» [9, л. 22].

Повсеместно высказывались уже знакомые по опыту проведения предыдущих кампаний суждения о том, что соцсоревнование проводится за счет «мускульной силы рабочего», использования некачественных материалов, бессмысленной порчи оборудования [9, л. 198].

Как и в предыдущие годы, нередко неприязнь к соревнованию была замешана на мотивах макрогрупповой дифференциации. Со стороны высококвалифицированных рабочих в ответ на предложения участвовать в соревновании, можно было услышать такие, например, реплики: «Что ты меня вызываешь соревноваться, я на производстве тридцать лет» [1, л. 75].

Политической подоплеки критические высказывания, как правило, не имели. Может возникнуть подозрение, что это обстоятельство вызвано страхом, боязнью обнаружить свою критическую позицию в отношении режима. Однако, на наш взгляд, это не так, поскольку рабочие, которые критически отзывались о соцсоревновании, в ходе тех же собраний и конференций совершенно открыто и достаточно жестко высказывались по таким вопросам, как отношение государства к крестьянам, товарный и продовольственный дефицит. Негодование рабочих лексико-семантически принимало достаточно характерную для периода нэпа форму сопоставления правящей

партии с «эксплуататорами» царской России и отождествление себя с жертвами антинародной власти. По сообщению информаторов, черно-рабочий паровозных мастерских г. Краснодара рассуждал в своем цехе о схожести положения рабочих и политкаторжан в «старое время».

И лишь изредка высказывания рабочих демонстрируют понимание истинной (разумеется, в свете современного исторического знания) природы инициированной властью кампании. Так, в анонимной записке, поданной А. И. Рыкову, рабочий высказал убеждение в том, что соцсоревнование — это «новая узда для эксплуатации рабочего» [1, л. 72].

В-четвертых, конформистская позиция.

Наиболее распространенной формой отношения рабочих к соцсоревнованию являлось конформное, равнодушно-пассивное восприятие его как не первого и не последнего в череде подобных, проводимых властью мероприятий. Архивные документы донесли до нас голоса тех, чьими трудами страна в рекордные сроки была превращена из отсталой аграрной в ведущую индустриальную державу мира. Характерный пример подобного восприятия демонстрировали работницы ДГТФ, лейтмотив отношения которых к проводимым мероприятиям они сформулировали следующим образом: «в строительстве социализма, поскольку мы призваны, мы должны участвовать» [6, л. 192]. Им вторили рабочие обувной фабрики им. А. И. Микояна, участвовавшие в прениях по докладу о хозяйственном строительстве и участии в нем рабочего класса на широкой городской конференции (май 1929 г.). Демонстрируя удивительное равнодушие к выбору объекта приложения своих трудовых усилий, они заявляли, что «...выполняли и будут выполнять хотя бы задания по перевыборам горсовета, или отчисление 1% на германских рабочих или преподанный нам теперь пятилетний план» [6, л. 188].

Однако поистине беспримерный образец конформного восприятия происходящего был сформулирован неизвестным тружеником в анонимной записке, обращенной А. И. Рыкову: «Скажите, долго ли будет тянуться соцсоревнование?» [1, л. 72].

«Безмолвствующее большинство» также оставило нам пусть и менее материальные, однако еще более красноречивые свидетельства своего отношения к возросшим темпам труда, усиливающимся нагрузкам в условиях более чем скудного существования. Повсеместно по региону наблюдался рост числа прогулов и пьянства. Среди причин подобных явлений были отмечены такие объективные факты, как отсутствие рациональных норм выработки, «штурмовщина», заставляющая работать с перенапряжением сил [7, л. 45–49; 9, л. 181об.–185].

Официальная пропаганда тех лет и советская наука, разумеется, игнорировали наличие иных, кроме деятельностно-оптимистической, моделей отношения рабочих к социалистическому соревнованию. Критические замечания и факты сопротивления рабочих проводимым мероприятиям объяснялись, как это сделано, например, И. Стальским в работе, посвященной истории ДГТФ, проникновением на производство троцкистских и кулацких элементов [2, с. 24–25].

В то же время нельзя не признать, что в отличие от показавших себя несостоятельными прежних производственных кампаний эта была воспринята рабочими в целом положительно. Нельзя игнорировать тот факт, что именно благодаря «широкомасштабной поддержке снизу» (Н. Н. Шемелев) [15, с. 11] и непротивлению основной массы рабочих проводимым мероприятиям опыт социалистичес-

кого соревнования (в отличие от иных производственно-политических кампаний периода нэпа) стал основой модернизационных процессов 30-х гг. XX в. и широко использовался в последующие десятилетия. Комплекс мероприятий, элементом которого являлось социалистическое соревнование, в исторической перспективе позволил значительно повысить интенсивность и производительность труда промышленных рабочих. Помимо сугубо материального эффекта – значительной интенсификации труда при практически неизменных на рубеже 20–30-х гг. XX в. его условиях, материально-технической базе и организации, специфическим итогом социалистического соревнования стала физическая и психологическая консолидация социальной группы промышленных рабочих. Соревновательные формы, далеко вышедшие за пределы отдельных предприятий, позволили рабочему вновь ощутить «пролетарское единство» с рабочим классом огромной страны, вдохнули новый смысл в идеологему «рабоче-крестьянское государство», словом, вернули смысл понятиям, девальвированным в ходе нэповского десятилетия. Восприятие социалистического соревнования не как очередной «антирабочей» кампании, но как политики государства и правящей партии, нацеленной на улучшения производственного и повседневного существования простого труженика, предопределило успешную реализацию стратегии форсированной модернизации промышленности страны в 30-е гг. XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документы Таганрогской широкой межсоюзной рабочей конференции // ГАРО. Ф. 3720. Оп. 1. Д. 11.
2. Донская государственная табачная фабрика. Очерк по материалам старых кадровиков ДГТФ / сост. И. Стальский. Ростов н/Д.: 1-я образцовая типография, 1938. 146 с.
3. *Кремляков В. С.* Рабочий класс в идеологии и политической практике советского государства в 1921–1934 гг. (на материалах общественно-политических организаций и государственных органов): автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 1992. 32 с.
4. Письмо С. Д. Бородкина А. И. Гусеву // ГАРО. Ф. 4376. Оп. 1. Д. 17.
5. Постановление ЦК ВКП(б) о социалистическом соревновании фабрик и заводов от 9 мая 1929 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1983. Т. 4: 1926–1929. 1984. 575 с.

6. Прения по докладу о хозяйственном строительстве и участии в нем рабочего класса на широкой городской конференции (май 1929 г.) // ЦДНИРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 73. Л. 6 об.
7. Протокол заседания партийного актива рудника «Пролетарский» // ЦДНИРО. Ф. 3646. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
8. Протокол заседания рудничного комитета рудника им. Коминтерна // ЦДНИРО. Ф. 3647. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
9. Протокол заседания фабкома завода «Краснолит» от 20 июня 1929 г. // ГАКК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 535. Л. 22.
10. Стенограмма объединенного производственного совещания рабочих заводов «Кубаноль» и «Краснолит» (г. Краснодар) // ГАКК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 509. Л. 9.
11. Стенограмма объединенного производственного совещания рабочих промышленных предприятий г. Таганрога // ЦДНИРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2.
12. Стенограмма слета ударных бригад (ноябрь 1929 г.) // ГАРО. Ф. 3720. Оп. 1. Д. 4.
13. *Ульянова С. Б.* Рабочие в массовых хозяйственно-политических кампаниях 1920-х гг. // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора Ю. И. Кирьянова / под ред. А. М. Белова. Кострома, 2003.
14. *Хлевнюк О. В.* Изменение культурного облика городских рабочих СССР 1926–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. историч. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 22 с.
15. *Щемелев Н. Н.* Партийная организация Северо-Кавказского края в борьбе за социалистическую индустриализацию (1926–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. историч. наук. Ростов н/Д.: Ростовский гос. ун-т., 1954. 30 с.

REFERENCES

1. Dokumenty Taganrogskoy shirokoy mezhsouznoy rabochey konferentsii // GARO. F. 3720. Op. 1. D. 11.
2. Donskaya gosudarstvennaya tabachnaya fabrika. Ocherk po materialam starykh kadrovikov DGTF / sost. I. Stal'skiy. Rostov n/D.: 1-ya obraztsovaya tipografiya, 1938. 146 s.
3. *Kremlyakov V. S.* Rabochiy klass v ideologii i politicheskoy praktike sovetskogo gosudarstva v 1921–1934 gg. (na materialakh obshchestvenno-politicheskikh organizatsiy i gosudarstvennykh organov): avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk. M., 1992. 32 s.
4. Pis'mo S. D. Borodkina A. I. Gusevu // GARO. F. 4376. Op. 1. D. 17.
5. Postanovleniye TsK VKP(b) o sotsialisticheskom sorevnovanii fabrik i zavodov ot 9 maya 1929 g. // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986) / In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. 9-e izd., ispr. i dop. M.: Politizdat, 1983. T. 4: 1926–1929. 1984. 575 s.
6. Preniya po dokladu o khozyaystvennom stroitel'stve i uchastii v nem rabocheho klassa na shirokoy gorodskoy konferentsii (may 1929 g.) // TsDNIRO. F. 15. Op. 1. D. 73. L. 6 ob.
7. Protokol zasedaniya partiynogo aktiva rudnika «Proletarskiy» // TsDNIRO. F. 3646. Op. 1. D. 1. L. 11.
8. Protokol zasedaniya rudnichnogo komiteta rudnika im. Kominterna // TsDNIRO. F. 3647. Op. 1. D. 1. L. 1.
9. Protokol zasedaniya fabkoma zavoda «Krasnolit» ot 20 iyunya 1929 g. // GAKK. F. 226. Op. 1. D. 535. L. 22.
10. Stenogramma ob'yedinennogo proizvodstvennogo soveshchaniya rabochikh zavodov «Kubanol'» i «Krasnolit» (g. Krasnodar) // GAKK. F. 226. Op. 1. D. 509. L. 9.
11. Stenogramma ob'yedinennogo proizvodstvennogo soveshchaniya rabochikh promyshlennykh predpriyatiy g. Taganroga // TsDNIRO. F. 107. Op. 1. D. 2.
12. Stenogramma sleta udarnykh brigad (noyabr' 1929 g.) // GARO. F. 3720. Op. 1. D. 4.
13. *Ul'yanova S. B.* Rabochiye v massovykh khozyaystvenno-politicheskikh kampaniyakh 1920-kh gg. // Predprinimateli i rabochiye Rossii v usloviyakh transformatsii obshchestva i gosudarstva v XX stoletii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora Yu. I. Kir'yanova / pod red. A. M. Belova. Kostroma, 2003.
14. *Khlevnyuk O. V.* Izmeneniye kul'turnogo oblika gorodskikh rabochikh SSSR 1926–1939 gg.: avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk. M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. 22 s.
15. *Shchemelev N. N.* Partiynaya organizatsiya Severo-Kavkazskogo kraya v bor'be za sotsialisticheskuyu industrializatsiyu (1926–1929 gg.): avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk. Rostov n/D.: Rostovskiy gos. un-t., 1954. 30 s.